

Своя комната*

Сердце Аделаиды болезненно стучит, словно ободранное наждачной бумагой. И все же, распаковывая коробки, она улыбается. Теперь у нее есть свой угол, она независима, тут будет ее королевство, в этой идеальной, пусть и крошечной, двушке. На сердце у нее скребет развод, хотя она и была его инициатором. Это началось в суде, и с тех пор желудочки ее сердца продолжают шелушиться. Аделаида это чувствует, и ей кажется, что сердце линяет, сбрасывая последние ошметки любви к Элиасу. Из-под них проступает новая кожа в предвкушении новых волнующих переживаний. Оголенная оболочка, в которую вливается пустота. О ней никто

* Название знаменитого эссе Вирджинии Вулф *A Room of One's Own* (1929). Кроме того, почти все главы романа названы в честь популярных французских песен, поэтому можно предположить, что это название опирается также на одноименную песню Мишеля Борла «*Une chambre à soi*». — *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

не думает, и она не думает ни о ком — с пятнадцати лет с ней такое впервые. Прежде Аделаида всегда оставляла одного мужчину ради объятий другого, она всегда была влюблена. Последние семь лет — в Элиаса, пока рутина не измотала ей душу и нервы.

Аделаида распаковывает вещи и с удивлением замечает, что вся ее жизнь уместилась на столь крошечном пятачке. Ей сорок шесть, и у нее нет ничего, кроме одежды и семи книжных шкафов. «Билли» из IKEA, украшенные гирляндами, бабочками в рамках, мексиканскими безделушками и японскими фонариками. Пара туфель на шпильке важно расположилась между двух томов собрания «Плеяды», у нее в жизни две страсти: книги и обувь. В старой квартире у Аделаиды была гостевая комната, служившая ей гардеробной. Просторная гостиная, отдельный уголок для чтения. Всем этим она была обязана Элиасу, квартира принадлежала ему. Все, что Аделаида может снять на свою зарплату, — тридцать пять квадратных метров в двадцатом округе Парижа.

Она купила кровать шириной метр двадцать и минимум мебели. Стол, четыре стула, без дивана пришлось обойтись. Повсюду напольные вешалки прогибаются под весом одежды, лопаются набитые битком чемоданы, трещат по швам немногочисленные шкафы. Книги закрывают все пространство стен и отъедают часть пола, вздымаясь тот тут, то там причудливыми колоннами и стопками, образуя подобие журнальных столиков.

Сапоги, ботильоны и кроссовки пирамидами возвышаются в прихожей, по углам спальни громоздятся босоножки, балетки и туфли. Хаос, который ничто не в силах обуздать. Атмосфера секонд-хенда, ощущение, будто живешь в одном из отделов «Эммауса»*. Аделаида знала, на что шла; уйти от Элиаса означало проститься с комфортом и забыть о привычном уровне жизни. Зато теперь она свободная и независимая женщина, наконец вырвавшаяся из брачных оков. Сейчас 20:50, и она рада, что пропустила ужин.

Тело Аделаиды сладостно распростерлось на кровати шириной метр двадцать, устланной подушками. Невиданное прежде одиночество, переполняющее грудь опьянение. Вдруг открывшееся бескрайнее поле возможностей, заманчивые и наконец-то загадочные перспективы будущего. Ей было скучно с Элиасом, каждый день как вечное повторение. Сейчас, в этот самый момент, ей кажется, что она вновь обрела контроль, контроль над собственной жизнью, позволив себе по-настоящему начать все с нуля. Аделаида наслаждается тишиной, смакуя это ощущение подвешенности, словно застывший в воздухе момент. У нее немного кружится голова, ее переполняет будоражащее волнение. Незнание

* Движение Emmaüs, основанное во Франции в 1949 году, занимается социальной поддержкой малоимущих слоев населения и, в частности, имеет одноименную сеть магазинов, где продаются товары широкого потребления по низким ценам.

распахнулась перед ней, и она готова ринуться в нее, очертя голову.

В окно заползает август, пропитанный влажной, сладковатой, обволакивающей тишиной. Аделаида рассматривает свое пристанище на ближайшие месяцы, а может, и годы. Теснота комнатухи сдавливает горло. Аделаида говорит себе: Бога ради, всего несколько месяцев, не лет. Тут же в голове один за другим возникают сценарии счастливого переезда. Мужчина с большой квартирой, мужчина со съемной квартирой, но с надежным поручителем, выигрышный билет в лотерею. Аделаида мысленно приободряет себя: это лишь временно, зато теперь мне спокойно.

Весь вечер телефон молчит, соцсети безлюдны. Аделаиде уже хочется с кем-нибудь поговорить. Она редко жила одна, никогда больше полугода, и она была моложе, это было так давно, последний раз еще до Элиаса, одиночество давалось ей тяжело, очень тяжело, до встречи с Элиасом она словно погрузилась на дно бассейна, окунулась в депрессию. Проблема не в том, чтобы остаться наедине с собой, проблема в отсутствии любви. Аделаида говорит себе: я встречу кого-нибудь. И добавляет вслух: кого-нибудь уж точно. Для нее это было бы логично, ведь в ее жизни мужчины всегда шли один за другим. Она размышляет, кого в этом городе вскоре подбросит ей судьба, думает, не разложить ли карты, но решает, что лучше не знать заранее. Аделаида боится поддаться панике, если выпадут грусть и одиночество.

Она хочет превратить этот вечер в прекрасное воспоминание, первая ночь, когда она одна, вторая половина жизни, новое начало.

Аделаида встает и включает музыку. Она составила плейлист и назвала его New Life*, по песне Depeche Mode, которая идет в нем первой. Аделаида всегда очень щепетильно подбирает саундтрек к своей жизни и ищет песню, идеально подходящую моменту, — ту, с которой отныне будет связано это приятное воспоминание. «Первый день» Этьена Дао. Аделаида устраивается на стуле и старается запечатлеть в памяти окружающую обстановку. «Остаться на ногах, но какой ценой, / Жертвуя своими инстинктами и желаниями». Ее глаза натыкаются на горы книг и отсутствующий диван. «Но все может измениться сегодня, / И первый день твоей оставшейся жизни / Станет спасением». Аделаида поет, словно молится, и надежда раздвигает стены крошечной двушки. Гирлянды и фонарики мигают разноцветными ореолами вдоль полок. В сумерках исчезает громоздящийся повсюду беспорядок, в открытое окно заглядывает и улыбается луна.

Мышцы Аделаиды потихоньку расслабляются. Ничто не вызывает столько стресса, как расставания и переезды. Пройдя через оба испытания, Аделаида чувствует себя избитой. До возвращения на работу осталась неделя, и она говорит себе: я буду готова, а сама думает

* Новая жизнь (англ.).

о горячей ванне. Очищающий ритуал был бы очень кстати: как бы она хотела сейчас оказаться в ванной, наполненной воздушной перламутровой пеной. Аделаида вызывает в памяти образы всех ваннных комнат, что были в ее жизни. Качество плитки, температура, напор воды. Столько квартир, столько спутников. Здесь же у нее только угловая душевая кабина. Она проскальзывает в треугольник с пластиковыми стенками. В голове чередой прокручиваются образы: восемь мужчин и один муж, двойные умывальники, лепнина, нередко — паркет. Течет вода, Аделаида ударяется и вдруг понимает, что у нее нет мыла. Эта деталь становится последней каплей. Аделаида оседает на дно пластикового гроба. Если она сама о себе не позаботится, никто другой этого не сделает.

До сих пор Аделаида редко о себе заботилась. Она часто забывает о себе, это из-за работы. Аделаида работает в пресс-службе издательства. Ее задача — продвигать книги и убеждать журналистов писать на них рецензии. Еще она отвечает за писателей, старается погрузиться в их мир, чтобы затем передать его как можно точнее. Сопровождает на интервью, иногда на мероприятия в книжные магазины или на фестивали. Ходит на литературные вечеринки. Аделаида так привыкла быть голосом других, что зачастую не знает, кто она такая и что думает.

У Аделаиды нет семьи, все ее родственники умерли, и всякий раз ей приходилось отказываться от наследства, чтобы не платить долги. У Аделаиды нет детей — это

ее никогда не интересовало. С ребенком она была бы, наверное, не так одинока, зато по уши в проблемах. Аделаида ни о чем не жалеет, для нее это дело принципа. Она всегда сама меняет свою жизнь, она — движущая сила, а не жертва. Она верит в судьбу и в то, что ее оберегает Афродита. Богиня любви никогда ее не подвела, Аделаида уверена, что очень скоро ей кто-нибудь повстречается. Аделаида ошибается. Если бы она разложила карты, то была бы в курсе.

Аделаида засыпает, забывая о возрасте. Она представляет свою вторую половину жизни, будто бы ей немного за тридцать или она студентка. Правда, она упускает из виду, что свободных мужчин осталось уже гораздо меньше, об этом она не подумала. Она также недооценивает серьезность конкуренции. Недавно расставшиеся со своими половинками мужчины обычно предпочитают женщин помоложе. Очень скоро Аделаида пробудится ото сна и столкнется с обжигающей действительностью.

Это история голубого цветка*, погруженного в кислоту. Аделаида Бертель — такая же женщина, как и любая другая. В сорок шесть лет она слышит, как по ее девичьим мечтам звонит колокол.

* Во французском языке выражение «голубой цветок» обозначает наивного, романтического человека, который подвергается жестоким испытаниям судьбы. Впервые этот образ возникает в неоконченном романе «Генрих фон Офтердинген» немецкого писателя эпохи романтизма Новалиса (1772–1801).

Выход в свет*

В середине августа Париж превращается в кладбище. Не слышно ни звука, запах расплавленного асфальта напоминает гарь крематория. Аделаиду одолевают досада и скука. Все подруги уехали в отпуск, а ей так хочется пойти куда-нибудь сегодня вечером, но совершенно не с кем. Элиас был закоренелым домоседом, никакой светской жизни, ни вечеринок, ни ужинов. Аделаиде не терпится насладиться свободой. Всю вторую половину дня она провела за чтением в кафе, искренне надеясь там кого-нибудь встретить. Случайностей не бывает, так что нужно брать дело в свои руки. Разумеется, никто не обратил внимания на сидящую на террасе сорокалетнюю даму, пусть и прекрасно одетую. Она выпила четыре диетические кока-колы, выкурила шестнадцать сигарет Lucky Strike, дочитала модный роман, который нашла совершенно бездарным. За последние

* Название песни Этьена Дао «Sortir ce soir».

двадцать четыре часа она общалась лишь с официантом и девушкой, попросившей прикурить.

Сейчас 19:30, Аделаида одна, в то время как весь остальной мир, включая фейсбук, готовится пропустить по бокальчику. Она думает о разъехавшихся по отпускам подругах. Жюдит отправилась в Грецию с мужем и дочкой. Беранжер — к родственникам в Ардеш. Гермелина блуждает по альпийским склонам. Клотильда пишет в резиденции в Риме. Аделаиде хочется нарушить их покой и крикнуть: помогите! Но она лишь отправляет каждой сообщение, как открытку, чтобы чем-то себя занять. Она пишет неправду, стараясь приободриться. *Горжусь своим новым домом. В полном восторге от новой жизни. Новая жизнь рулит. Все к лучшему.* Она фотографирует крупным планом какую-нибудь деталь, симпатичную мелочь, застывшую улыбку мексиканской мадонны, изгиб лилового тюля, заменяющего ей шторы. В ответ Аделаида вскоре получит множество смайликов с сердечками.

Что делать, когда ты одна, куда пойти в Париже, если ты одинокая женщина, в местный бар, или бар при отеле, или, может, в модный клуб. Все адреса ей известны, она же пиар-менеджер, к тому же очень толковый. Но она прекрасно знает: непринужденно сидеть в баре, облокотившись о стойку, и запросто болтать с незнакомцами — у нее так никогда не получится. Какой-то блок, в детстве она была очень застенчивой, уверенность в себе далась ей с невероятным трудом. Нырнуть

в толпу на танцполе, крутить там бедрами в одиночку, двигаться в унисон с окружающими ее телами — она так не сможет, от одной мысли у нее подкашиваются ноги. Аделаида прикидывает, способна ли она на что-то подобное спьяну или под кайфом, потому что, если бы у нее все-таки получилось, было бы кстати. Она боится, что в итоге проведет вечер за онлайн-игрой в скребл. За бутылкой сансера она представляет себе дальнейшее развитие событий. Вот она заходит в бар, одна, облачивается на барную стойку, заказывает пиво, улыбается соседям, завязывает разговор. Даже в состоянии наркотического угара это невозможно. К тому же без толку. У мужчин, ошивающихся вечерами у барной стойки, явно не ее профиль. Что ж. Тогда пройти в лобби, устроиться в клубном кресле, заказать коктейль, улыбнуться соседям, но тут другая проблема. Парни из отельных баров в основном из правых. Аделаида беспокоится, что же делать, как не остаться одной, где в Париже найти мужчин, которые могли бы проявить к ней интерес. Аделаида выпускает стон и обращается к интернету, где сайты знакомств сулят решение всех проблем.

Аделаида так не хочет, она упрямится. Отказывается превращаться в товар из каталога. Да, она знает, что нужно как-то продать себя на рынке, но она весь год наблюдала за успехами Беранжер в тиндере. Беранжер — охотница. Вот только добыча, как кажется Аделаиде, не дотягивает до ее уровня. Аделаида ошибается. Беранжер берет все, что подвернется. Аделаида — новичок

в этом деле и еще очень наивна. Скоро Беранжер ей признается: знаешь, раньше было просто, нам ничего не стоило запросто свести с ума любого, но теперь это в прошлом. Очень скоро земля разверзнется у нее под ногами. Но пока она мечтает. Она придумывает в голове истории, которые помогают ей пережить настоящее. В одной из таких историй она сегодня вечером идет в роскошный клуб и встречает свою половинку. Высокий, худой, его зовут Владимир. Они сразу узнают друг друга, он улыбнется ей, и отныне ее жизнь будет спрятаться исключительно во множественном числе.

Аделаиде скучно и нечего терять, напротив, ей нужно куда-то деть время, это свободное, лишнее время, эти часы, с которыми она не знает, что делать. Она включает свой плейлист, снова Этьен Дао, принимает душ, красится, примеряет несколько нарядов перед зеркалом в полный рост. Вешалки мешают отойти подальше. Она подпрыгивает в трусах, ударяется мизинцем на ноге, проклиная чью-то мать. Затем останавливается на черном струящемся платье на очень тонких бретельках с глубоким декольте, оно подчеркивает талию и доходит ей до колен. Она душит Poison от Dior, оригинальными духами 1985 года, а не одной из этих сладковатых вариаций для девочек-подростков. Затем выбирает сандалии на невысоком каблуке. Собирает волосы в небрежный пучок, надевает серьги-кольца. Колеблется между клатчем и маленькой сумочкой. Она не знает, куда идет, поэтому выбирает сумочку. Протискивается через

прихожую, запирает дверь на ключ и вызывает лифт. На улице воздух мягче. Но каждый вдох оставляет послевкусие пепла. Аделаиде плевать, что наступил конец света. Она идет, будто тонет, реальность больше не имеет значения. Она в своей истории и больше ничего не боится, она — персонаж, героиня своей жизни. Она ловит такси и слышит, как произносит название популярного клуба.

Она выплывает из машины в несколько ошалевшем состоянии. Перед входом очередь. Аделаида закуривает сигарету, чтобы выглядеть увереннее в себе. Все стоят кучками, группами, парочками. Аделаида достает телефон и делает вид, что разговаривает. Ей хочется, чтобы ее тело рассказало этим людям историю, хотя они на нее даже не смотрят. Она кое-кого поджидает, или, наоборот, ее здесь ждут. Аделаида так и говорит вышибале на входе, который ее ни о чем не спрашивал: меня ждут внутри. Это и будет ее легендой. Она спускается по лестнице, ищет кого-то глазами в толпе. Пересекает танцпол, медленно обходит бар. Потом снова достает телефон, пишет сообщения, которые тут же стирает, принимает рассерженный вид, ждет, что к ней подойдут и скажут: раз он не пришел, тем хуже для него, он того не стоит. Аделаида оглядывает мужчин, три четверти из них гораздо моложе нее. Аделаида оглядывает женщин, им лет по тридцать, и они красивее. Она заказывает в баре джин-тоник и не знает, что делать. В этот конкретный момент ей хочется умереть. Она замечает

мужчину лет сорока с брюшком и думает, что у нее есть шанс, она симпатичнее него. Она перемещается поближе, чтобы оказаться в его поле зрения. Ничего не происходит, его взгляд проходит сквозь нее. Аделаида с небольшим опережением открывает для себя невидимость пятидесятилетней женщины. В этот конкретный момент она уже чувствует себя мертвой, она, как зомби, заказывает второй джин-тоник, машинально выпивает его и тут же берет третий. Диджей включает New Order, Аделаида идет танцевать под «Blue Monday», чтобы проверить, не превратилась ли она для всех остальных в привидение, тухлое мясо на рынке любви.

Она выходит на танцпол как можно грациозней, навешивает на себя улыбку веселящейся девчонки. Восьмидесятые снова в моде, а это ее конек. Она пьяна, и ей требуется меньше усилий, чем она ожидала. Она плохо переносит алкоголь, с ее самого первого «Малибу» ее всегда тошнит на четвертом бокале, независимо от содержимого. Она не считала, но выпей она еще бокал — ее живот превратится в тыкву и в самый разгар бала желудок вывернет наружу. Она ритмично покачивает бедрами и пускает руками волны. Она пытается установить контакт, поймать глазами глаза других танцоров. Только две молодые женщины выдерживают ее взгляд. Она рассматривает движущиеся вокруг нее тела. Ни одно из них ее не привлекает, кроме высокого темноволосого мужчины, своим орлиным носом он похож на Владимира. Аделаида верит — случайностей не бывает, это она взяла дело

в свои руки. Песня длится семь минут, Аделаида знает. Она пытается подойти ближе, делает слишком широкий шаг и почти теряет равновесие. Ей смешно, но никто не заметил. Никто, включая Владимира. Она собирается, стараясь держаться ровно, следует за звуком синтезаторов. Владимир покидает танцпол, песня все еще играет. Тогда Аделаида подходит к нему и завязывает разговор — самой себе не верится, на что только не пойдешь, раз решила стать героиней своей судьбы. Естественно, она вся взмокла и пахнет джином. Неважно. Он отвечает, они разговаривают, точнее, кричат: Ты часто сюда приходишь, музыка ничего, что ты сказал. Хочешь выпить чего-нибудь — это спрашивает Аделаида. Владимир не слышит. Аделаида повторяет. Владимир не отвечает. Он не узнает ее. Владимир не улыбается, он уже ушел. Сердце Аделаиды наполняет густой стыд. Она замирает, словно статуя, в то время как сердце вот-вот хлынет через край. По всему телу, разжижая органы, растекается едкий и липкий стыд.

Аделаида никогда никому не расскажет об этом вечере. Даже Жюдит, Беранжер, Гермелине или Клотильде. Она пошла танцевать, ничего не произошло, не о чем рассказывать. Она осмелилась пойти, она попыталась и обнаружила, что просвечивает насквозь. По ней прошли тысячу и один раз, настолько ее тело не имеет значения, настолько не подлежит восприятию.

Вернувшись домой, она включила радио France Culture и смыла макияж. Потом она плакала, регулярными

всхлипами, долго. Так долго, что лицо совсем измялось. Сон ничего не исправит, весь следующий день она будет носить маску, маску скорби, круги под глазами, как разлившаяся нефть. Жирная и припухшая кожа. Забальзамированные надежды.

Аделаида засыпает, вернувшись в реальность своего возраста. Жарко, ее длинные волосы намокают от пота. Седые, спрятанные под краской волосы. Аделаиде снится кошмар, она идет по кладбищу, ее молча обступает толпа зомби, насилует и пожирает, без единого звука. Она мечется во сне, волосы путаются по подушке. Длинные пряди обвиваются вокруг шеи, Аделаида задыхается, тут же просыпается, на ум приходит слово «самоубийство».

Это история голубого цветка, который втиснули меж двух страниц книги: он сохнет на глазах и превращается в гербарий. Аделаида Бертель — такая же женщина, как и множество других. В сорок шесть лет она видит, как исчезает ее аура юной девушки.

Моя маленькая контора*

К удивлению Аделаиды, она рада вернуться на работу. За неделю ей едва удалось перекинуться парой слов с четырьмя живыми существами. Официант в кафе, кассирша в супермаркете, соседка по лестничной клетке и ее йорк. Жюдит возвращается завтра, Беранжер — сегодня вечером. Гермелина — на следующей неделе, а Клотильда — через три дня. Конечно, Аделаида обзвонила и второй круг подруг, но наткнулась на голос автоответчика.

Издательство «Давид Сешар» находится на другом конце Парижа, Аделаида ездит туда на автобусе №975. Путь не самый прямой, но ей нравится маршрут. Она разглядывает в окно местные магазинчики, постепенно превращающиеся в соковые бары, крафтовые микропивоварни и веганские кафе-секонд-хенды. За этим занятием она размышляет, не может ли она встретить

* Название песни Алена Башунга «Ma petite entreprise».

кого-нибудь во чреве общественного транспорта. Впервые она оценивающе присматривается к окружающим ее мужским телам. Она вдруг представляет себя в объятиях вон того низкорослого брюнета или вот этого высокого блондина в джинсах. Сидящей на коленях у пятидесятилетнего мужчины в рубашке, проверяющего почту. Она придумывает, какую жизнь вела бы с каждым из них. В какой квартире, каком округе жила, как бы одевалась, что бы они ели на ужин, кто бы мыл посуду, как бы они занимались любовью. Она представляет себе их лица, когда они кончают, и тут же чувствует приступ тошноты. Надо признать, Аделаиду немного пугает собственное состояние. Она ожидала, что ей будет грустно, но не думала, что будет настолько одержима.

Аделаида быстрыми шагами приближается к офису и уже на улице встречает знакомых. «Давид Сешар» — старое и довольно крупное издательство. В нем множество отделов: редакция, производственный отдел, продажи, маркетинг, пресс-служба, бухгалтерия и юристы. Все руководящие посты занимают мужчины, что объясняет обилие ассистенток, как в лучшие времена стенографии. Аделаида вспоминает о недавнем опросе на France Info: 14% пар образовались в рамках профессиональной деятельности. То есть примерно одна пара из семи. Аделаида думает, что в обед надо бы заглянуть в профсоюз. Пока же она просто немного полюбезничает в лифте.

Наконец Аделаида устраивается за своим рабочим столом. Все лежит на своих местах. Фото Ксанакса*, ее покойного сиамского кота, толстый ежедневник, тетради, заметки. Количество писем в электронной почте выходит за грани разумного. Начало нового литературного сезона — одно из важнейших событий для человека, занимающего такую должность, как Аделаида, и она начинает готовиться к нему еще с мая. В конце августа выходит больше трехсот французских романов. На кону издательств от 20 до 40% годового оборота, начинается гонка за премиями. «Давид Сешар» выпускает этой осенью девять французских и три иностранных романа. У Аделаиды есть двое коллег и начальница, они поделили работу между собой. Аделаиде предстоит отстаивать честь четырех романов, работать с четырьмя писателями. Двоих она смогла выбрать сама, она уже занималась ими раньше: Марк Бернардье, автор приключенческих романов, и Ева Лабрюйер, своенравная писательница, в этом году попытавшая свои силы в жанре деревенского романа. Эти двое ей очень нравятся, и их легко продавать. Их книги ценятся, и они отличные клиенты для журналистов. Марк Бернардье — эдакий Индиана Джонс из соседнего двора, Хемингуэй в завязке, Бернар Лавилье на минималках, странствующий писатель с тысячей историй в кармане, с голубовато-стальными глазами

* «Ксанакс» — торговое название транквилизатора алпразолама. — *Прим. ред.*

и выдающейся способностью затаскивать в постель кого угодно, несмотря на свои семьдесят два года.

Аделаида иногда подозревает, что Марк Бернардье — бессмертный вампир, сверхъестественное существо, способное преодолевать бурные реки, бросаться в жерло вулканов, и все ему нипочем. Его последняя книга «Здесь, в Папуа» объединяет в себе путевые заметки и семейный роман. Аделаида — большая поклонница Марка. Она всегда старается ему угодить и сделать так, чтобы он ни в чем не нуждался, особенно в совиньоне. В этом году их цель — Гонкуровская премия. За все время, что он публикуется, эта — единственная, которую он не получил. Он даже удостоился Премии Флоры за свою «Анастасию, где-то там», короткий рассказ о его романе с украинской проституткой, в который вплетаются воспоминания из детства и портреты женщин его семьи. Аделаида хочет стать свидетелем его триумфа. Триумфа вполне заслуженного, если верить тому, что шепчут небеса и выглядывающие из-за них богини.

Ева Лабрюйер обворожительна, ей пятьдесят семь, и она принимает журналистов в шелковом пеньюаре с перьями на рукавах. Когда-то она была актрисой и певицей. Последние десять лет она развлекается. Она рассказывает истории ради чистого удовольствия. Аделаиде ее стиль, конечно, кажется до слез посредственным, но главное — она отлично продается, и все от нее в восхищении, потому что Ева Лабрюйер восхитительна, и жаловаться тут не на что. Она продает много книг,

и публика ей благоволит. Она занимает целый разворот в модных журналах, позирует в теннисной экипировке со своим бульдогом и прыгает на кровати в ночной сорочке. А ее знаменитые ритуалы красоты! Аделаида без ума от Евы Лабрюйер. Она переодевается в такси, регулярно выплескивает воду в лицо колумнистам-женоненавистникам, появляется на страницах светской прессы в объятиях очередного любовника на одну ночь, который внезапно оказывается победителем какого-нибудь реалити-шоу. Действие ее книг разворачивается в самых разнообразных местах: рабочие кварталы Марселя, центр Лиона, горный массив Веркор и, из последнего, деревушка в Шампани в романе «Даже в Англиюре есть любовь». Сюжет же, напротив, всегда один и тот же, и стоит признать, для Аделаиды, которая должна с выходом каждого нового романа презентовать его публике, это большая головная боль. Несчастливая молодая девушка в затруднительном положении преодолевает тяготы жизни благодаря силе дружбы и труда и, конечно, магии любви. Она обязательно хотя бы немного сирота, как правило, жертва самовлюбленного извращенца и злого рока, ее непременно насилуют, предварительно накачав седативными, в Марселе, а затем она выходит замуж за фармацевта в Гренобле, или наоборот, Аделаида часто путает, но никто этого все равно не замечает. Аделаиде предстоит защищать четыре романа, четырех писателей. Двоим оставшимся придется подождать с представлениями. Только что объявили об экстренном

совещании, весь этаж охвачен паникой. Редакционный отдел и пресс-службу вызвал в переговорную «Рюбам-пре» сам генеральный директор.

С Евой Лабрюйер проблема. Она провела отпуск у друзей на острове Ре. Там она встретила чуть ли не всех обитателей квартала Сен-Жермен-де-Пре, лица были радушными, но дистанция подчеркнута выдержанной: она была не из их круга. Редактора Евы зовут Эрнест Блок, проблемами его не испугать, ведь у него за плечами двадцать лет профессионального опыта, но даже он признается, что обескуражен. Еве кажется, что ее не ценят. Не нужны ей больше никакие призы читательских симпатий и корзины подарков, интервью о менопаузе, рейтинговые ток-шоу и костюмированные вечеринки. Ей нужно, чтобы ее приглашали на France Culture, она хочет блистать на обложках ведущих журналов о культуре и проводить чтения в Доме поэзии. Аделаида смотрит Эрнесту Блоку в рот, и с каждым словом внутренности ее все сильнее скручивает от тревоги.

Генерального директора зовут Матье Куртель, он здесь, чтобы решить проблему, поэтому он оценивает обстановку и спрашивает, какие у Лабрюйер тиражи. Эрнест Блок отвечает: около 45000. Матье Куртель бледнеет, его правая ладонь опускается на стол: ищите решение, мы не можем себе этого позволить. Кровь Аделаиды стынет в жилах под ножом гильотины. Ищите решение, вы же пресс-служба. Трое коллег Аделаиды дрожат, а Эрнест Блок добавляет, словно испуская

последний вздох: еще она хочет премию. Лицо Матье Куртеля становится белым, как стол. Аделаида думает: а почему не пони?

Так для издательства «Давид Сешар» начинается новый литературный сезон. На часах 11:15, но телу Аделаиды кажется, что прошло уже полторы тысячи лет. Перед тем как звонить Еве Лабрюйер, ей нужно разработать стратегию. Чтобы разработать стратегию, нужно сосредоточиться. Что, разумеется, невозможно. Дело не только в опенспейсе, который периодически вынуждает ее забираться под стол, чтобы позвонить. Аделаиде приходится думать быстро и в постоянной суматохе. Тут же, ко всему прочему, звонит телефон. Это Стивен Лемаршан, ее новый романист. Его она не выбирала, но очень надеется полюбить. Ему двадцать пять, и он только что съехал от мамы, он программист и обладает харизмой дохлой выдры, такое впечатление у нее остается после фотосессии. Дохлая выдра, человечек из лего. К счастью, книга гораздо лучше. «Последнее воспоминание». История пожилого мужчины в недалеком будущем, который продает свои воспоминания, как другие продают органы, чтобы помочь внучке сохранить зрение. Стивен хочет узнать, появится ли он в каком-нибудь влиятельном журнале для публики моложе сорока пяти лет, и есть ли у него шанс увидеть свой портрет в крупной ежедневной газете. Аделаида отвечает, что у нее есть запрос на интервью от сайта научной фантастики и блога SuperGeek. Далее следует дискуссия о несправедливости

этого мира, насилии среды и добродетели терпения. На часах полпервого, и тело Аделаиды как будто вовсе перестало существовать. Она знает, что все это сушая ерунда по сравнению с тем, что ждет ее через три дня.

Разумеется*

У Аделаиды четыре подруги — ровно столько, сколько нужно, чтобы призывать стихии во время магического ритуала. Жюдит — музыкальная журналистка, она ведет передачу на радио. Беранжер, подруга детства, руководит отделением банка. Гермелина преподает историю искусств в университете и специализируется на XX веке. Клотильда занимается литературой. Она публикуется в издательстве «Давид Сешар» уже шестнадцать лет, но их с Евой Лабрюйер ведут разные редакторы, с ней работает сорокалетний энтузиаст Гийом Грангуа. Его авторы пишут странноватые тексты, которые не вписываются в рамки традиционного романа. Это книги, которые не рассказывают историю в привычном понимании, это истории, которые рассказывают себя сами при помощи поэтических фрагментов, инсталляций и прочих ухищрений.

* Название песни Франс Галль «Évidemment».

Книги, которые выпускает Гийом Грангуа, продаются заметно хуже, чем серии старого доброго Эрнеста Блока и его сотоварищей — четверки альфа-самцов. Али Гошам и Поль Севрен — уверенные в себе мужчины за пятьдесят, они отвечают за мейнстрим в лучших его традициях. Именно такая литература некогда снискала славу издательству «Давид Сешар»: когда-то модернистские, а теперь современные романы, написанные таким заумным языком, что сразу вспоминаются снобы из элитного британского клуба для джентльменов. Клод Герини по прозвищу Киллер — спец по детективам; и Эрнест Блок со своим брюшком — он отвечает за пишущих звезд, привык к гигантским тиражам и тайно распускается армией литературных «негров». Али Гошам и Поль Севрен, хранители мейнстримной литературы, относятся к Гийому Грангуа с отеческим благодушием, как к непоседливому, номышленому ребенку. Не видя в нем никакой угрозы для себя, они часто интересуются любопытными находками Гийома.

Гийом Грангуа заведует чем-то вроде экспериментальной лаборатории издательства «Давид Сешар». Матье Куртель, директор, его дорожит. Эрнест Блок — не слишком. Эрнест Блок и Гийом Грангуа испытывают взаимную ненависть, каждый презирает то, что делает другой. Блок заявляет, что он главный добытчик и что все заработанные им деньги идут на содержание плясуньи — плясуньей он называет Гийома, Аделаида слышала это собственными ушами. Грангуа же брюзжит, что

с выходом каждой новинки Блока издательство теряет харизму и портит карму, что в нем не осталось настоящей литературы — мы превращаемся в типографию, страдает наш имидж, Аделаида часто слышит подобные разговоры. У Матье Куртеля от обоих мигрень, но он не сдает позиций. Этой осенью Ева Лабрюйер выступает под знаменами Эрнеста Блока, а Клотильда Мелисс защищает честь Гийома Грангуа. Аделаида знает — это поединок двух бойцовых петухов. И она в отчаянии от того, что оказалась в него втянута.

До сих пор у Клотильды всегда был один и тот же пиар-менеджер, не Аделаида, но она ушла на пенсию. Ни одной, ни другой не приходило в голову, что теперь Клотильдой может заняться Аделаида, эту идею предложил Гийом Грангуа. Аделаида изобретательна и умеет находить выход из сложных ситуаций. Они с Клотильдой знакомы уже шестнадцать лет, и Гийом Грангуа видит в этом большой плюс, залог того, что Аделаида всерьез возьмется за дело и будет бороться с удвоенным рвением. Клотильда Мелисс — автор со сложным материалом и не самым гладким слогом, поэтому большинству в принципе непонятно, о чем она пишет. Клотильда Мелисс создает экспериментальный автофикшн, всегда помещая в центр повествования себя, и это уже начинает порядком надоедать. У нее узнаваемый стиль, небольшая аудитория преданных читателей, чего не скажешь о прессе: критикам ее книги не нравятся, пишут о ней редко. С радио проще,

Клотильда ведет себя свободно, шутит, и ее часто приглашают снова.

Она впервые обратила на себя внимание почти двадцать лет назад, опубликовав роман «Писк таймера», и с тех пор не переставала печататься. «Чокобо, любовь моя», «Монополия боли», «Просьба не размножаться», «Я живу в холодильнике». Более двадцати книг, повествующих о ее собственных приключениях, истории, где она препарирует саму себя, как подопытного кролика. Последняя, которая выходит этой осенью, называется «Пророчицы с автострады номер 12». В ней она рассказывает, как терпит неудачу в попытке предотвратить приближающийся конец света в компании бретонских ведьм. Аделаида в отчаянии. Она ничем не сможет помочь Клотильде и станет свидетелем ее агонии. Грангуа не оправится от такого удара, а Эрнест Блок будет смаковать поражение соперника. Ладно. У него есть Ева Лабрюйер, она сведет его с ума, он с ней не справится, в этом Аделаида уверена. Но для нее главное — Клотильда. Клотильда надеется, что в ее жизни что-то произойдет, Клотильде сорок семь, а значит, половина жизни уже позади.

Аделаида понимает, что Клотильда многого ждет от грядущего литературного сезона. Клотильда тоже живет без любви уже два года. Ее бисексуальность никак не увеличивает шансы встретить кого-то, а лишь добавляет неуверенности и ей, и окружающим. Не говоря уже о том, что с возрастом Клотильда порядком располнела.

Кроме того, она упорно продолжает носить натуральный мех, из-за чего выглядит лишенной совести людоедкой. Аделаиду страшит реакция журналистов, она прошупала почву, «Пророчицы с автострады номер 12» вообще никому не интересны. Гермелина сказала ей по телефону: Клотильда компенсирует одиночество гиперактивностью, если не будет новостей, у нее случится нервный срыв. Аделаида знает, что это правда, но решений у нее немного. Ничто не может нарушить молчание литературных критиков, она уже все перепробовала, стоит произнести имя Клотильды, как повисает неловкое молчание.

Она могла бы продать Клотильду как настоящую колдунью, задействовать свои связи, использовать тех, кто пишет о Еве Лабрюйер. В Париже живет писательница-ведьма, сообщили бы они, а Клотильда позировала бы в церемониальном наряде с ритуальным ножом в руке и бросала бы веточки белого шалфея в котел. Семь богинь Олимпа у алтаря, и с ними — Лилит. Аделаида уже представляет себе репортажи, телешоу, шумиху в интернете. Но тут же одергивает себя: Клотильда никогда не позволит превратить себя в циркового уродца, а их ведьминский культ должен оставаться тайным, о чем ей напоминает Гермелина.

Гермелине тридцать один, она тоже живет одна, но это ее выбор, одиночество, кошки — это насущная потребность. На целых три года Гермелина ввязалась в очень токсичные отношения с одной блестящей,

но крайне невротичной специалисткой по Моник Виттиг. После расставания полгода назад она поклялась последовать примеру Бабы-яги и с тех пор отстаивает свое право быть одинокой и самостоятельной. В отличие от Аделаиды у нее нет проблем с эмоциональной зависимостью. Это были страстные отношения, да и синдрома покинутости у нее нет. Аделаида осиротела в восемь лет, ее родители сели в машину, чтобы поехать на вечеринку, и не вернулись. С тех пор она ждет их возвращения и ничего не может с этим поделать, она думает об этом всякий раз, когда раздается неожиданный звонок в дверь. Гермелина и Аделаида дружат уже почти тринадцать лет, они встретились на чтениях Клотильды. Они созваниваются каждый день, за исключением тех случаев, когда Гермелина уезжает в поход, как этим летом.

Гермелина хорошо понимает тревогу, охватившую подруг, все эти разговоры про вторую половину жизни. Она знает, что это не то же самое, что кризис среднего возраста, когда в поисках глотка свежего воздуха люди творят глупости, доказывая себе, что еще живы. Тут же ничего не взрывается, все медленно тает. Гермелина намного моложе, но ей свойственна эмпатия, она чувствует все то, что переживают подруги. Она осознает всю жестокость той реальности, к которой сама, будучи лесбиянкой, не принадлежит: ее подруги полностью подчинены мужскому желанию, которое тем временем угасает. Она возмущается и признает, как это унижительно. Это

касается всей компании. Жюдит сорок восемь, и одного кокетливого взгляда, чтобы заполучить интервью, уже недостаточно. Беранжер сорок девять, и она довольствуется типажам, которые нравятся ей все меньше. Клотильде и Аделаиде по сорок шесть, в глазах окружающих они просроченный товар. Гермелину это не касается, но ее злит, что мужчины имеют над женщинами такую власть, она говорит: это ужасно несправедливо. И, завершая разговор, проклиная господствующий в обществе патриархат.

Аделаида вешает трубку, сидя за единственным в квартире столом, ей тесно и хочется умереть. Это будет происходить с ней все чаще. Она думает о Клотильде и ее книге, Клотильда только что вернулась в Париж, и Аделаида не решается ей позвонить, Клотильду нужно будет морально подготовить к худшему. Молчанию, забвению и презрению. В голове Аделаиды возникают все новые преграды, она обозревает их и составляет исчерпывающий список. Еще она думает о новых требованиях Евы Лабрюйер, ожиданиях руководства и прочих инкарнациях стресса, ее желудок сжимается, внутренности скручиваются, вслух она недоумевает: как же мне из всего этого выпутаться?

На часах девять вечера. Когда она была в отношениях, то стояла в это время перед посудомоечной машиной. В 19:45 — перед духовкой, позже — где-то между фильмом и стиральной машиной. Сегодня, одинокая и свободная, она ужинает пачкой Pringles со вкусом сыра,